W 479
108

№ 479/108
4710/П

ПРОИСХОЖДЕНІЕ

КАЗАЧЕСТВА

НА

ЮЖНОМЪ РУБЕЖѢ РУСИ;

ПОЯВЛЕНІЕ ЕРМАКА

И

ЗАВОЕВАНІЕ ИМЪ

ЦАРСТВА СИБИРСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1842.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ КАЗАЧЕСТВА НА ЮЖНОМЪ РУБЕЖѢ РУСИ; ПОЯВЛЕНІЕ ЕРМАКА И ЗАВОЕВАНІЕ ИМЪ ЦАРСТВА СИБИРСКАГО.

(Читано въ Собраніи Императорской Россійской Академіи Іюня 28 дня 1841 года).

На южныхъ и юговосточныхъ предѣлахъ Руси образовалась издавна боевая жизнь, вслѣдствіе положенія сего-края, открытаго для набѣговъ разноплеменныхъ хищниковъ. Вся полоса земли отъ рѣки Урала до рѣки Дуная была повременнымъ обиталищемъ кочевыхъ народовъ, являвшихся здѣсь, завѣдомо для Исторіи, съ IV до XIII вѣка. Естественно, что на рубежѣ жилищь этихъ бродячихъ племенъ съ осѣдлыми племенами Славянъ должна была происходить война непрерывная, и также естественно, что вторженія Печенѣговъ и Половцевъ съ X до XII вѣка, должны были образовать и въ сопредѣльныхъ Русскихъ земляхъ воинственныя дружины, готовыя встрѣтить враговъ, отплатить имъ набѣгомъ за набѣгъ, а иногда и вмѣстѣ съ ними ворваться для

грабежа въ предѣлы Русскихъ княжествъ, терзаемыхъ войнами междуусобными: вотъ прямое начало Казачества! *Бродники*, то вѣрные слуги Русскихъ Князей противу Половцевъ, вѣроятно и сами Русскіе, по крайней мѣрѣ Христіане; то помощники Половцевъ въ ихъ набѣгахъ на Русь, суть настоящіе родоначальники Казаковъ.

Жизнь эта развивалась во всей полосѣ земель отъ Днѣпра до Волги и въ послѣдующія времена; но по видимому она получила наиболѣе сильное развитіе съ половины XII вѣка; съ тѣхъ поръ начинаетъ чаще и чаще слышаться имя Казаковъ. Образованію и распространенію этого воинственнаго братства съ половины XII вѣка содѣйствовало безъ сомнѣнія современное положеніе Кипчацкой орды. Въ ней, по смерти Бердибега (1359 г.), начались безпрерывныя междуусобія и раздѣленія, среди которыхъ погибъ родъ Батыя; въ теченіе 20 лѣтъ 16 хановъ изъ разныхъ, и частію неизвѣстныхъ родовъ, быстро смѣняютъ другъ друга на Сарайскомъ престолѣ, звѣрски истребляя одинъ другаго, и между тѣмъ, какъ окровавленный юртъ Батыя дѣлается такимъ образомъ кратковременною добычею то одного хана, то другаго, вдалекѣ отъ Шерисарая, въ странахъ по верховьямъ Аму и Сыръ-Дерьи, уже бьются за обладаніе Сарайскимъ престоломъ два потомка Чучеева рода: Урусъ и Тохтамышъ; послѣдній, поддержанный Та-

мерланомъ, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, одолѣваетъ соперника; одолѣваетъ и сына его, Тимуръ-Мелика, и въ 1376 дѣлается владыкою улусовъ по теченію Сырь-Дерьи. Тогда, съ согласія Тамерлана и съ его помощію, Тохтамышъ отправляется на З. для покоренія Батыева улуса, въ которомъ Темникъ Мамай располагалъ до сихъ поръ судьбою Кипчацкаго престола, играя ханами Золотой Орды, пока наконецъ наскучивъ игрою и низложивъ поставленнаго его рукою, Магометъ (Маматъ) Султана, самъ сдѣлался ханомъ. Тохтамышъ перехватилъ Мамая, бѣжавшаго съ Куликова поля; разбилъ и уничтожилъ его при Калкѣ (1380 г.), и овладѣлъ улусомъ. Но и Тохтамышъ не могъ спокойно властвовать. Сначала онъ долженъ былъ бороться съ меньшимъ сыномъ и внуками Урусъ-Хана, оспоривавшими у него престолъ; успѣшная борьба съ сими противниками поселила въ Тохтамыша надмѣнное довѣріе къ собственнымъ силамъ; онъ забылъ, чемъ одолженъ Тамерлану; троекратно побѣжденный имъ, Тохтамышъ готовился снова возстать на своего благодѣтеля, но былъ окончательно пораженъ (1395 г.) и лишенъ престола, на который рукою побѣдителя поставленъ былъ Койричакъ-Агленъ, сынъ Урусовъ. Новый ханъ также не твердо сидѣлъ на шаткомъ престолѣ Шерисарая: и низложенный Тохтамышъ, при помощи нѣкоторыхъ своихъ приверженцевъ въ ордѣ, и при покро-

вительствѣ Витовта, еще домогается воротить потерянное царство; и сыновья его, по смерти отца, стремятся къ тому же и бьются съ ханами рода Урусова; и въ самомъ семъ родѣ ханы враждуютъ и низвергаютъ другъ друга; и Едигей, новый Мамай въ ордѣ въ сіе время, рукою своею ставитъ и низлагаетъ хановъ; и люди не Урусова и не Тохтамышева рода, можетъ быть даже и вовсе не Чингисханова племени, при сихъ безпорядкахъ овладѣваютъ престоломъ. Однимъ словомъ, съ половины XIV вѣка и почти до конца бытія своего, до исхода XV столѣтія, орда, съ весьма немногими и небольшими промежутками, была позорищемъ кровавыхъ переворотовъ, которыхъ послѣдствіемъ было расторженіе ея, еще прежде уничтоженія хановъ въ Сараѣ, на нѣсколько отдѣльныхъ другъ отъ друга царствъ. Отъ такого хода дѣлъ въ ордѣ и происходило, что если съ одной стороны власть ея хановъ ослабѣла и стала менѣе тяжела для князей Русскихъ, то съ другой стороны эта же самая слабость власти хановъ давала просторъ своеволію вождей и вельможъ Татарскихъ, которые и въ ордѣ поднимали оружіе то за одного хана, то за другаго, и Россію терзали своими набѣгами; никогда не были столь часты грабительственныя вторженія отдѣльныхъ Татарскихъ полчищъ, какъ въ эти времена по всей линіи земель отъ Днѣпра до Волги.

По всей же этой линіи составлялись и

усиливались и со стороны Россіи притоны воинственныхъ удальцевъ, и для отраженія Татарскихъ набѣговъ, и для возмезднаго вторженія въ самые ихъ улусы, которые при безпорядкахъ собственныхъ междуусобій, представляли и для Русскихъ наѣзниковъ нерѣдко богатую добычу. Подъ вліяніемъ такихъ-то обстоятельствъ развилось Казачество въ двухъ главныхъ притонахъ: по низовью Днѣпра отъ устья Самары, и по Дону, отъ устья Иловли. Полоса земли отъ сихъ предѣловъ на С. до Курска и Воронежа, представляла землю совершенно запустѣлую — настоящее приволье для безнаказаннаго разбоя; а на Ю. къ морямъ Черному и Каспійскому, по степямъ скитались отдѣльныя орды Татаръ, и изрѣдка проходили купеческіе караваны къ торговымъ городамъ, на берегахъ сихъ морей — новая приманка корыстолюбію, и новый разгулъ удальству своевольному. Казаки при Днѣпрѣ и Донѣ, Русскіе по происхожденію и вѣрѣ, но независимые отъ Русскихъ самодержцевъ, жили и умирали среди безпрерывныхъ военныхъ тревогъ; бились съ погаными, какъ Христіанскіе витязи, и грабили какъ необузданные разбойники, и чужихъ и своихъ; неколеблясь и неразмышляя шли на смерть для добычи. Величайшею политическою ошибкою Іоанна Грознаго было, что онъ вопреки благоразумнымъ совѣтамъ Адашева, не позаботился привязать Казаковъ къ своему правитель-

ству; предоставилъ Сигизмунду и по томъ въ особенности Стефану Баторію, образовать изъ Казаковъ Днѣпровскихъ воинство, которое могло быть чрезвычайно важнымъ для Польши, если бы преемники Баторіевы имѣли благоразуміе поддержать его учрежденія и неожесточили Днѣпровскихъ Казаковъ своими изувѣрными притѣсненіями; еще хуже, что Грозный, покореніемъ Астраханскаго царства продвинувъ предѣлы своей державы до Каспійскаго моря и рѣки Терека, оставилъ Донскихъ удальцевъ на произволъ судьбы и ихъ собственной необузданности. Примыкая съ одной стороны къ новоприобрѣтеннымъ, но еще неустроеннымъ Русскимъ землямъ по низовью Волги, а съ другой къ владѣніямъ Крымскаго хана, Казаки съ роднаго Дона пускались и въ сѣверовосточные улусы Крымскіе бить и грабить невѣрныхъ; пускались разбойничать и на нижнюю Волгу, которая по утвержденіи Русской власти на берегахъ и на устьяхъ ея, сдѣлалась путемъ и торговыхъ и дипломатическихъ сношеній Россіи съ Персіею и съ другими странами Закаспійскими. Азовъ при устьѣ Дона, и Астрахань при устьѣ Волги, города богатые торговлею, бывали преимущественнымъ предметомъ корыстолюбивыхъ Казацкихъ поисковъ. Царь, и по жалобамъ Крымскаго хана и для обезпеченія своихъ собственныхъ каравановъ и пословъ, долженъ былъ неоднократно посылать

войско и на Донъ и на Волгу; долженъ былъ въ отклоненіе неудовольствій и Крыма и Турціи, говорить въ своихъ граматахъ хану: «Мы «де къ твоему юрту Казакамъ приходить не «велѣвали; они свое казачье дѣло дѣлаютъ; «инолды имъ удастся, а инолды неудастся, «и не по нашему велѣнью на Дону живутъ, «бѣгая изъ нашего государства; на Дону и на «Волгѣ и наши казны грабливали, и мы за то «ихъ кажнивали.» — Такимъ образомъ напр. еще въ 1557 посылалъ Государь Ляпуна Филимонова на Волгу удерживать Казаковъ отъ грабительствъ и набѣговъ на Ногайскіе улусы, и тѣ Казаки «*воры*» увѣривъ Филимонова, что они служатъ Царю и зазвавъ его въ свои станицы умертвили его, со всемъ его отрядомъ. Почти тогда же Казаки напали на дьяка Ржевскаго, который ѣхалъ съ казною и запасами на судахъ въ Астрахань, и побили людей, при немъ находившихся, и казну ограбили. Когда вслѣдствіе сего сильный отрядъ царскихъ войскъ посланъ былъ опять на Волгу, Казаки разбѣжались; только не многіе отсталые были настигнуты и схвачены. Іоаннъ по томъ отправилъ два отряда на Донъ, съ цѣлію истребить вовсе самыя станицы Донской вольницы: одинъ долженъ былъ идти внизъ по рѣкѣ, другой подниматься отъ Азова вверхъ. Казаки или отбивали царскихъ воиновъ, гдѣ видѣли себя сильнѣе, или разбѣгались и изчезали въ степяхъ Придонскихъ, оставляя въ добычу

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

своимъ непріятелямъ пустыя и наскоро построенныя свои хижины; по минованіи опасности снова сходились на родное пепелище; легкія жилища снова возникали, и станицы снова кипѣли разгульной жизнью.

Въ такомъ-то мірѣ и среди такихъ обстоятельствъ жилъ Ермакъ, вѣроятно уроженецъ береговъ вольнаго Дона, вопреки извѣстію одной изъ позднѣйшихъ лѣтописей, которую справедливо отвергаетъ Карамзинъ, и которая выводитъ родъ Ермака изъ Суздаля, а самаго его дѣлаетъ уроженцемъ береговъ Чусовой, и оттуда уже переводитъ на Волгу, чтобы потомъ опять привести на берега Чусовой. Исторіи принадлежатъ только послѣднія 5 или 6 лѣтъ его жизни, когда онъ, оставя позорное ремесло Волжскаго разбойника, сталъ съ своими храбрыми на восточномъ рубежѣ отечества, защищая новоприобрѣтенныя страны въ нынѣшней Пермской губерніи отъ набѣговъ Приуральскихъ и Зауральскихъ хищниковъ, и потомъ совершилъ послѣдній славный подвигъ, пріобрѣтшій ему безсмертіе. Предшествовавшія тому обстоятельства его жизни, равно какъ и его происхожденіе, стольже неизвѣстны, какъ невѣдома его могила.

Ермака начинаетъ знать Исторія предводителемъ шайки разбойниковъ, опустошавшихъ своими набѣгами низовья Дона, Волги, и Урала. Временный страхъ, произведенный

въ Донскихъ притонахъ посылаемыми туда по повелѣнію Царя ополченіями, миновалъ, и разбои Казаковъ усилились больше прежняго, такъ что они не пощадили Русскихъ купцовъ, ѣхавшихъ въ Персію, и даровъ, отправленныхъ Царемъ Шаху; другія шайки ихъ распространили свои поиски до рѣки Яика въ улусы Ногайскіе и ограбили Сарайчикъ, главный городъ въ семъ краѣ. Имена пяти Атамановъ: Ермака Тимофеева, Ивана Кольца, Якова Михайлова, Никиты Пана и Матвѣя Мещеряка, сдѣлались страхомъ не только для промышленныхъ путешественниковъ по низовью Волги, но и для окрестныхъ улусовъ кочевыхъ Татаръ. Еще въ 1577 Царь вновь послалъ войско свое, подъ начальствомъ Стольника Мурашкина, въ здѣшнія страны; но и эта экспедиція не больше имѣла успѣховъ, чемъ прежнія: нѣкоторыя шайки были побиты и разсѣяны; другія разбѣжались.

Громкая молва объ удальствѣ и мужествѣ Ермака и его товарищей принесла имена ихъ на берега Камы и Чусовой, гдѣ съ 1558, по граматѣ Царской, данной Григорію Строганову, владѣли тогда сынъ его Никита, братъ Семенъ и племянникъ Максимъ Яковлевъ, землями, съ правомъ водворять на нихъ поселенцевъ и пользоваться дарами тамошней природы, за исключеніемъ рудъ; торговать въ теченіе 20 лѣтъ безпошлинно солью и рыбою, и для защиты своихъ

заведеній ставить мѣста укрѣпленныя и содержать вооруженныхъ людей, принимая къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, не бѣглыхъ и не тяглыхъ. Строгановы обороняя свои промыслы по Камѣ и Чусовой, оберегали чрезъ то и весь сѣверовосточный край Россіи, смиряя своими силами инородцевъ по обѣ стороны Уральскихъ горъ, и обязывая присягою на вѣрность Царю Русскому. Но обстоятельства перемѣнились для нихъ, когда Кучумъ, вѣроятно потомокъ Шейбани, пятаго сына Чучеева, низвергъ данника нашего Едигера и овладѣлъ царствомъ Сибирскимъ. Кучумъ также признавалъ себя сначала данникомъ Іоанновымъ, и по указу Государеву 1571 обязался платить въ казну по 1000 соболей въ годъ. Но когда онъ счелъ власть свою достаточно утвержденною на Сибирскомъ престолѣ, то не только самъ пересталъ платить опредѣленную дань, но началъ обращать въ свое подданство и покорныхъ уже Россіи Остяковъ и Вогуличей, придвигая владычество свое все ближе и ближе къ Каменному Поясу. Опасаясь противудѣйствія Строгановыхъ, Кучумъ послалъ (г. 1573) племянника своего Мегметкула къ берегамъ Чусовой истребить тамошнія ихъ укрѣпленія. Мегметкулъ хотя въ набѣгѣ своемъ и успѣлъ многое разорить, но былъ отраженъ Строгановыми, которые не смѣли преслѣдовать хищника въ его собственную землю, не имѣя на то указа

Государева. Іоаннъ, по жалобамъ и просьбѣ Якова и Григорія Строгановыхъ, далъ (г. 1571) грамоту, которою они уполномочивались идти съ оружіемъ въ рукахъ за Каменный Поясъ, воевать невѣрнаго царя Кучума. Братья Строгановы не имѣли, по видимому, достаточныхъ средствъ воспользоваться тогда же даннымъ имъ отъ Царя правомъ, и уже по смерти Якова и Григорія, меньшой братъ и сыновья ихъ произвели въ дѣйство предпріятіе, замышленное предшественниками. Въ 1579 Семенъ Строгановъ съ племянниками отправилъ грамоту къ Ермаку, приглашая его въ свои земли, и Ермакъ съ своими храбрыми товарищами и съ 540 удальцевъ отправился съ береговъ Волги на Каму, гдѣ видѣлъ онъ для себя и своихъ поприще непорочной славы и богатой добычи. Дѣйствительно, по прибытіи атамановъ съ храброю дружиною, приемирѣлъ этотъ край, возмущенный внушеніями Кучума и вторженіемъ Мегметкула, а Вогульскій князь Бегулій, ворвавшійся (г. 1581) въ селенія Строгановыхъ по Чусовой, былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ Казаками. Тогда рѣшено было отправить подъ начальствомъ Ермака ополченіе за Каменный Поясъ «очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго Салтана Кучума.» Ермакъ устроилъ свою небольшую дружину, состоявшую изъ 840 человѣкъ Русскихъ, Татаръ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ плѣнниковъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ

содержались; снаряжены были ладьи, нагруженныя запасами и снарядами, небольшими пушками и пищалями семипядными, и 1-го Сентября 1581, въ день новаго года, по совершеніи торжественнаго молебствія, отправился Ермакъ вверхъ по Чусовой къ Уральскимъ горамъ. Такъ начатъ былъ атаманомъ его безсмертный подвигъ.

Поднявшись по Чусовой въ рѣку Серебрянку и дойдя до самой подошвы Уральскихъ горъ, Ермакъ, оставилъ здѣсь ладьи, и волокомъ перебрался до рѣки Жаравли, впадающей въ Тагиль. Отсюда, въ ладьяхъ, наскоро построенныхъ, пустилась дружина по Тагилю въ Туру, гдѣ уже начиналась область Кучумова царства. На мѣстѣ нынѣшняго Туринска стоялъ *Епанчинъ юртъ*, укрѣпленный станъ князя Епанчи, подвластнаго Кучуму. Здѣсь былъ первый бой и первая побѣда Ермака. Отселѣ новыя безпрестанныя побѣды прокладывали атаману путь къ Тоболу; но эти побѣды дорого ему обходились и только огнестрѣльное оружіе давало Казакамъ перевѣсъ надъ непріятелями, гораздо многочисленнѣйшими, но незнавшими его употребленія. На Тоболѣ, при устьѣ Тавды, Ермакъ взялъ въ плѣнъ одного знатнаго чиновника Кучумова, который для спасенія жизни своей сообщилъ побѣдителю всѣ нужныя для него свѣдѣнія, и освобожденный изъ плѣна, онъ же извѣстилъ Кучума о нашествіи воиновъ,

неодолимыхъ мужествомъ и стрѣляющихъ огнемъ и громомъ смертоноснымъ. Кучумъ, уже тогда лишившійся зрѣнія, собралъ войско изъ всѣхъ своихъ улусовъ и расположился укрѣпленнымъ станомъ на Чувашскомъ мысу на берегу Иртыша, къ С. отъ своей столицы *Искера* или *Сибири*, рѣшась недопустить атамановъ до города, а племяннику своему, Мегметкулу, съ многочисленною конницею, велѣлъ занять пространство между Иртышемъ и устьемъ Тобола.

Треугольникъ между сими рѣками и сдѣлался, въ теченіе Октября 1581 года, театромъ почти ежедневныхъ битвъ. Отразивъ быстрый натискъ конницы Мегметкуловой мѣткими выстрѣлами изъ своихъ орудій, Ермакъ вышелъ изъ окоповъ, которыми укрѣпилъ себя на берегахъ Тобола, и самъ бросился на непріятеля; доверши побѣду, онъ, не смотря на сильнѣйшее сопротивленіе Татаръ, проложилъ себѣ путь къ устью Тобола, и двинувшись отъ сей рѣки къ Иртышу, разбилъ мурзу Карачу, котораго юртъ находился близъ нынѣшняго селенія, носящаго еще имя сего Татарскаго владѣльца; пораженіе Карачи открывало Ермаку путь къ самому Искеру. По приближеніи атамана къ берегамъ Иртыша, битвы стали еще упорнѣе и кровопролитнѣе; Кучумъ, вышедшій изъ своихъ укрѣпленій, и Мегметкулъ, мужествовали, и бились отчаянно, желая отстоять столицу. Дружина Ермака

убыла и отъ боевъ и отъ трудовъ безпрерывныхъ; многіе не видя впереди ничего, кромѣ погибели, казавшейся неизбѣжною, были того мнѣнія, чтобы воротиться назадъ; но Ермакъ успѣлъ возстановить упавшее мужество своихъ сподвижниковъ; рѣшено было вступить въ послѣдній отчаянный бой: либо погибнуть славною смертію Христіанскихъ витязей, либо водрузить знамена отечества на высотахъ Кучумовой столицы Октября 23, съ вѣрою и молитвою, и съ громкимъ восклицаніемъ: «съ нами Богъ!» Казаки вступили въ этотъ рѣшительный бой; Ермакъ, и вѣрный сподвижникъ его Иванъ Кольцо, были всюду впереди; Мегметкулъ, тяжело раненный, долженъ былъ оставить сѣчу; отсутствіе его произвело замѣшательство въ войскѣ Кучумовомъ; нѣкоторые Остяцкіе князья обратились въ бѣгство; оробѣли и Татары: Казаки быстро симъ воспользовались, и, подъ прикрытіемъ своихъ орудій, ринулись на смятеннаго непріятеля, и довершили побѣду; Кучумъ бросился въ бѣгство, и едва успѣвъ взять въ своей столицѣ часть казны своей, отступилъ далеко на Ю., въ степи между Иртышемъ и Ишимомъ. Такъ совершилась достопамятная битва Ермака на Чувашскомъ мысу (въ двухъ верстахъ выше устья Тобола), стоившая ему жизни 107 храбрыхъ сподвижниковъ, и доселѣ поминаемыхъ въ Тобольской соборной церкви. Слѣдствіемъ знаменитой побѣды на Чувашскомъ мысу

было торжественное вступленіе (26 Октября) побѣдителей въ городъ *Искеръ* или *Сибирь*, стоявшій на высокомъ крутомъ берегу Иртыша, при впаденіи въ него рѣчки Сибирки, въ 19 верстахъ выше нынѣшняго Тобольска. Запустѣлое нынѣ мѣсто сіе называется и теперь *Кучумовымъ городищемъ*. Въ немъ получили Казаки великія богатства, но не нашли ни какихъ запасовъ продовольственныхъ и, роскошествуя пріобрѣтенною добычею, терпѣли недостатокъ въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Вскорѣ однакожъ эта опасность была отвращена прибытіемъ Остяцкихъ старшинъ съ изобильными запасами, дарами и изъявленіемъ покорности: вслѣдъ за тѣмъ явились и многіе Татары съ семействами изъ окрестныхъ юртовъ. Ермакъ, умѣвъ досель побѣждать непріятелей оружіемъ и мужествомъ, умѣлъ теперь привязать къ себѣ побѣжденныхъ великодушіемъ и ласкою; успѣлъ утвердить ихъ въ мысли о безопасности ихъ жилищъ и собственности, и явилъ въ принятыхъ имъ мѣрахъ необыкновенный умъ и характеръ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ между покоренными, равно какъ и въ сохраненіи порядка и подчиненности между своими; необузданная вольница, его сопровождавшая, являлась смиренною въ завоеванной странѣ и трепетною передъ вождемъ, который въ битвахъ и опасностяхъ товарищъ своихъ сподвижниковъ, былъ грознымъ и неумолимымъ

владыкою во взысканіяхъ за всякое притѣсненіе жителямъ. Такими дѣйствіями поселяя къ себѣ довѣріе туземцевъ, для которыхъ и власть Татаръ была доселѣ столь же чуждою, какъ и новая власть Русскихъ, болѣе прежней праводушная и ласковая, Ермакъ безъ боя дѣлалъ новыя пріобрѣтенія: сосѣдніе Вогульскіе князья, жившіе съ своими племенами по Иртышу ниже устья Тобола, добровольно покорялись побѣдителю и присягали въ вѣрности Россіи. Между тѣмъ Кучумъ не терялъ ни желанія, ни надежды, изгнать изъ царства своего дерзкихъ завоевателей. Ермакъ въ началѣ весны слѣдующаго года (Апр. 1582) извѣстился, что Мегметкулъ снова приближается съ Ю, и что онъ расположился станомъ въ нижнихъ частяхъ рѣки Вагая. Атаманъ отрядилъ 60 избранныхъ удальцевъ, которые должны были пробраться скрытно въ станъ Татарскій. Отчаянное предпріятіе совершено счастливо. Казаки, перерѣзавъ многихъ сонныхъ Татаръ, схватили самаго царевича живаго и съ торжествомъ привезли въ Искеръ. Кучумъ, лишась въ племянникѣ важнѣйшей своей подпоры и надежды, не смѣлъ предпринять ничего, и откочевалъ далѣе къ Ю., въ степи, по верховьямъ Ишима разстилающіяся.

Такимъ образомъ безопасный, по крайней мѣрѣ на это время съ Ю., Ермакъ, оставивъ часть дружины своей въ Искерѣ, пустился съ другою на судахъ внизъ по Иртышу;

въ этомъ плаваніи достигъ до впаденія сей рѣки въ Обь, и покорилъ жившія здѣсь племена Вогуличей и Остяковъ, и оружіемъ и великодушіемъ. Назначивъ одного, наиболѣе ему преданнаго Остяцкаго князя, Алачу, главою края, лежащаго при соединеніи Иртыша съ Обью, побѣдителемъ торжествующимъ и уважаемымъ возвратился Ермакъ тѣмъ же путемъ въ Искеръ, и тогда уже отправилъ сподвижника и друга своего Ивана Кольца съ граматою къ Царю Іоанну, «бить ему челомъ царствомъ Сибирскимъ,» просить его Государева указа о присылкѣ воеводъ и принятіи Сибирскаго царства подъ свою державу до скончанія міра; себя же и товарищей своихъ, Ермакъ предавалъ во власть Божію и Государеву. Кольцо прибылъ къ Строгановымъ, которые и снѣшили съ нимъ въ Москву. Столица и Государь были въ это время въ унынін по причинѣ худыхъ обстоятельствъ нашей войны съ Баторіемъ, безуспѣшности переговоровъ съ нимъ и его высокихъ требованій; на которыя, и непостижимое малодушіе Іоанна и собственные успѣхи, давали право Королю Польскому. И при всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, вѣсти, подобныя тѣмъ, какія привезъ съ собою Кольцо, должны были произвести радость; онѣ произвели восторгъ въ эту эпоху. Разумѣется само собою, что не гнѣвъ и память прежнихъ винъ, а милость и почести нашелъ Кольцо у Грознаго

Царя: одаренный и восхваленный Государемъ, онъ отправился назадъ съ дарами и похвальною граматою Ермаку и его сподвижникамъ; везъ съ собою знаменитому вождю титло *Князя Сибирскаго*, двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча Царскаго; получилъ позволеніе на возвратномъ пути набирать охотниковъ для переселенія въ новозавоеванное царство. Въ тоже время Іоаннъ повелѣлъ воеводѣ князю Болховскому съ 500 стрѣльцовъ отправиться въ Пермь, чтобы оттуда, слѣдующею весною (1583 г.), взявъ у Строгановыхъ суда и людей, идти путемъ Ермаковымъ на помощь ему, а Епископу Вологодскому отправить туда 10 священниковъ съ ихъ семействами, для водворенія православія въ невѣрномъ краѣ. Но еще прежде возврата Ивана Кольца съ царскими дарами и жалованьемъ, и прибытія князя Болховскаго съ ратною помощью, Ермакъ изъ Искера съ своею уже малочисленною дружиною предпринималъ походы отъ устья Тавды вверхъ по ея теченію, и въ страну между Тавдою и Кондою. Жившіе въ сихъ мѣстахъ Вогуличи отчасти мирно признали надъ собою власть Русскаго Царя, отчасти принуждены были къ тому страхомъ оружія, и такимъ образомъ пространство отъ Иртыша до Каменнаго Пояса было уже покорно Ермаку, когда воротился Кольцо, и вскорѣ послѣ него и князь Болховской прибылъ въ Искеръ. Но съ этого

именно времени, когда при новыхъ способахъ должно было ожидать новыхъ и большихъ успѣховъ, начинаются бѣдствія. Открылась жестокая болѣзнь, которая поражала сначала новыхъ пришельцевъ изъ Москвы, а отъ нихъ сообщилась и Казакамъ; обнаружился недостатокъ въ припасахъ; зло усиливалось; болѣзнь и голодъ, при зимѣ необыкновенно жестокой, быстро истребляли людей; въ числѣ многихъ умеръ и воевода Іоанновъ князь Болховскій. Хотя съ возвращеніемъ весенней теплоты, бѣды и миновались, но Ермакъ чувствовалъ, что ему съ оставшеюся горстью изнуренныхъ сподвижниковъ не удержать обширнаго завоеванія. Онъ снова отправилъ (1584 г.) грамату къ Царю, донося о прошедшихъ бѣдствіяхъ, но вмѣстѣ и умоляя о помощи немедлѣнной и сильной. При этомъ Ермакъ отправилъ въ Москву, по повелѣнію Государя, и царевича Мегметкула, который и служилъ послѣ въ нашихъ войскахъ. Посланный Ермаковъ уже не засталъ въ живыхъ Іоанна.

Между тѣмъ Ермакъ подвергся вскорѣ величайшей опасности въ Искерѣ. Мурза Карача, побѣжденный имъ въ 1581 на пути отъ Тобола къ Искеру, по разбитіи и бѣгствѣ Кучума, покорился Ермаку, и оставленъ въ покоѣ съ своимъ улусомъ кочевать въ нижнихъ частяхъ Тары, недалеко отъ впаденія ея въ Иртышъ. Карача являлся преданнымъ, и

раболѣпно льстя побѣдителю, успѣлъ увѣрить его въ своей искренности, и вѣроломно обманулъ довѣріе. Имѣя всюду лазутчиковъ и связи, онъ зналъ о худомъ положеніи Казаковъ въ Искерѣ; чтобы еще болѣе ослабить страшнаго Ермака, мнимый союзникъ просилъ у него помощи противу Ногаевъ, будто бы нападавшихъ на улусъ его. Ермакъ считая коварнаго Мурзу надежнымъ стражемъ южныхъ степей отъ Иртыша до Вагая, и оберегателемъ этой части Сибирскаго царства отъ покушеній Кучума, все еще скитавшагося въ степяхъ по верховью Ишима, рѣшился помочь полезному, какъ онъ думалъ, союзнику, хотя самъ нуждался въ людяхъ: онъ отправилъ 10 лучшихъ своихъ воиновъ подъ начальствомъ друга своего Кольца, къ Карачѣ. Татаринъ ожидалъ, вѣроятно, большаго числа, замысливъ злодѣйство, которое совершилъ съ пришедшими довѣрчиво на помощь ему Казаками; онъ велѣлъ перерѣзать храбрыхъ и ихъ знаменитаго предводителя, и тогда снялъ съ себя личину. Общій мятежъ, произведенный Карачею, разлился вокругъ Искера, и бывшіе подданные Ермака окружили въ великомъ множествѣ побѣдителя своего въ его столицѣ, не приступая къ осадѣ города, хотя защищаемаго горстію людей, но людей, которыхъ дивное мужество извѣстно было по опыту всѣмъ, возмутившимся, и которые владѣли страшнымъ оружіемъ. Ермаку угрожала въ Искерѣ или

голодная смерть, или позорная сдача: огнестрѣльное оружіе не помогало: мятежники стали на такомъ разстояніи, что выстрѣлы изъ мелкихъ пушекъ, какія были у Ермака, не могли досягать ихъ. Отчаянная рѣшимость атамана Мещеряка спасла на этотъ разъ отъ вѣрной погибели, отдаливъ ее только на короткое время, какъ увидимъ. Мещерякъ, развѣдавъ о мѣстѣ, гдѣ находился станъ Карачи, ночью прокрался съ нѣсколькими отважными сквозь обозы непріятельскіе; незамѣченные достигли казаки шатровъ Карачи, перерѣзали великое множество сонныхъ Татаръ, въ томъ числѣ и двухъ сыновей Карачи; произвели величайшую тревогу въ станѣ и безпорядочное бѣгство непріятелей; Карача, устрашенный, отступилъ за Ишимъ и возмутившіяся племена снова присмирѣли и поддались побѣдителю. Тогда Ермакъ, чтобъ возстановить уваженіе къ своему имени и страхъ къ своему оружію, предпринялъ походъ вверхъ по Иртышу, и для преслѣдованія Карачи, и для утвержденія власти своей въ странахъ, куда до сихъ поръ еще не проникало его оружіе. Онъ побѣдоносно прошелъ вверхъ по Иртышу до устья рѣки Шиша, и возвратился снова въ Искеръ, хотя и съ великою потерею въ людяхъ, но усмиривъ всю югозападную часть бывшаго царства Кучумова, и обезопасивъ себя съ сей стороны на будущее время.—Это были послѣдніе подвиги Атамана-Князя.

Помощь изъ Москвы не являлась. Перемѣны, происшедшія по смерти Іоанна Грознаго; козни вельможъ, домогавшихся власти при новомъ добродушномъ, но слабомъ Царѣ; искусное стремленіе Годунова къ полновластію и неискусное противудѣйствіе ему Шуйскихъ и Никиты Романова; смятенія въ столицѣ; бунтъ Черемисовъ на луговой сторонѣ Волги, начавшійся въ послѣдній годъ царствованія Іоаннова и еще неусмиренный: все это было для новаго правительства предметомъ ближайшихъ заботъ, и отдалило отправленіе помощи въ Сибирь до самаго конца 1581 года. Между тѣмъ Ермакъ свѣдалъ, что Кучумъ прикочевалъ къ рѣкѣ Вагаю и остановилъ караванъ Бухарскихъ купцевъ, шедшихъ въ Искеръ. Ермакъ съ 50 Казаками отправился на поиски; цѣлый день слѣдуя вверхъ по Вагаю, онъ не встрѣтилъ ни каравана, ни непріятелей; возвратился снова къ устью Вагая, и здѣсь оставя свои лодки, разбилъ шатры для ночлега на берегу Иртыша, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ принявъ въ себя Вагай, дѣлаетъ крутую излучину, называемую *Вагайскою лукою*. Кучумъ, укрывавшійся невдалекѣ, провѣдалъ о мѣстѣ стана Казаковъ: подъ шумомъ сильной бури, въ ночь съ 5 на 6 Августа 1581, подошли Татары къ шатрамъ, гдѣ и вождь и воины, утомленные и безопасные, погружены были въ глубокой сонъ. Казаки были всѣ перерѣзаны, исключая двухъ: одинъ успѣлъ

убѣжать въ Искеръ, другой, и это былъ Ермакъ, прянулъ съ крутизны берега въ бурный Иртышъ, надѣясь вплавь добраться до своихъ лодокъ, стоявшихъ у небольшаго острова; но царская желѣзная броня, съ золотымъ орломъ на груди, увлекла отважнаго въ глубину, и волны Иртыша, оглашеннаго славными подвигами Сибирскаго героя, сдѣлались ему могилою. Мѣсто это называется и доселѣ у жителей *Ермакова заводь*, и отстоитъ на 58 верстъ отъ Тобольска. Черезъ 8 дней послѣ того, тѣло его вытащено было изъ воды Татариномъ, ловившимъ рыбу, и въ обезображенномъ трупѣ Татары узнали своего покорителя по бронѣ Царской. Сподвижники Ермака, свѣдавъ о бѣдствіи, и съ потерею вождя лишенные надежды и мужества, рѣшились оставить завоеваніе, и въ числѣ 150 человѣкъ, подъ предводительствомъ атамана Мещеряка, уныло возвращались въ Россію тѣмъ самымъ путемъ, по которому за три года предъ тѣмъ побѣда провела ихъ до столицы Сибирскаго царства. Кучумъ, по отшествіи казаковъ, вновь вступилъ въ свою столицу, и такимъ образомъ, казалось, подвиги Ермака были потеряны и для его собственной славы и для Россіи; надобно было снова завоевывать то, что было покорено имъ. Но ни исторія, ни живая память народная, ни благословляющая память церкви, не отняли и не отнимутъ у него великаго имени

завоевателя Сибири; благодарное потомство соорудило монументъ ему въ Тобольскѣ, городѣ, возникшемъ уже подъ Русскою властію, невдалекѣ отъ древняго Искера, средоточія и цѣли подвиговъ Ермаковыхъ, и въ тѣхъ мѣстахъ живетъ знаменитое имя его и въ названіяхъ урочищъ и въ народныхъ преданіяхъ.

Карамзинъ, по лѣтописямъ, почти современнымъ эпохѣ завоеванія Сибири, изображаетъ наружность *Атамана-Князя* слѣдующими словами: «Ермакъ былъ видомъ благороденъ, сановитъ, росту средняго, крѣпокъ мышцами, широкъ плечами; имѣлъ лице плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательнаго.»

И. Шульгинъ.

2007044187

2007044187